

МАГИЯ ЖИЗНИ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Другой класс

Пять четвертинок апельсина

Персики для месье кюре

Остров на краю света

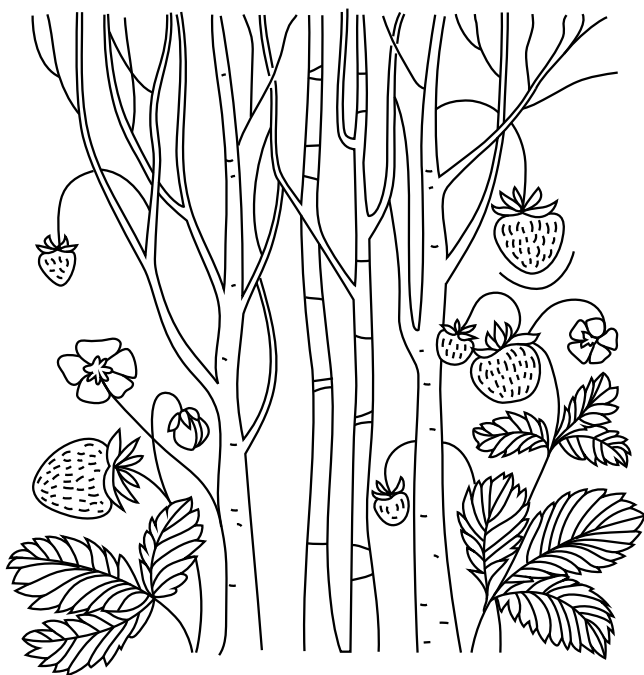
Чай с птицами

Шоколад

Завет Локи

Д Ж О А Н Н Х А Р Р И С

Земляничный вор

Москва
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Joanne Harris

THE STRAWBERRY THIEF

Copyright © Frogspawn Ltd. 2019

Перевод с английского *И. Тогоевой*

Художественное оформление *М. Дорошенко*

Харрис, Джоанн.

Х21 Земляничный вор / Джоанн Харрис ; [перевод с английского И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-108447-9

Кошка пересекла твою тропинку в снегу и замыкала. «Дул Хуракан» — эти слова постоянно звучат в голове Вианн Роше, которую одолевают страхи и опасения. В сонный городок Ланскне пришел ветер перемен, который, кажется, вот-вот унесет с собой частичку ее сердца. Все началось со смерти нелюдимого старика Нарсиса, что держал на площади цветочный магазин. Он внезапно оставил Розетт, младшей дочери Вианн, земляничный лес на границе своих угодий. Розетт — необычная девочка, особенная, говорит на птичьем языке, рисует и тоже слышит зов ветра. Уж она-то сохранит лес. Однако завещание Нарсиса и его наследие, как оказалось, скрывает куда больше тайн, чем можно было предположить. Вот и кюре Рейно ходит чернее тучи с тех пор, как солиситор отдал ему папку с исповедью Нарсиса. Ко всему прочему в город приезжает некая Моргана Дюбуа, чтобы открыть тату-салон в бывшем цветочном магазине, и за считанные недели заражает город своими таинственными узорами на коже, как когда-то Вианн заразила его шоколадом. Моргана почему-то тоже интересуется земляничным лесом и особенно — Розетт...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108447-9

Посвящается тебе.
Да, тебе.
Ты же знаешь, кто ты.

ВЕТЕР

Глава первая

Пятница, 10 марта

Перед бурей всегда наступает короткий период затишья, когда ветер, словно передумав нападать, начинает изображать любовь к семейной жизни и уюту. Он то флиртует с цветущими деревьями, то шаловливо брызжет дождем из скучных серых туч. Но именно в такие мгновения напускной игривости ветер наиболее жесток и опасен. Не позже, когда он ломает деревья, а оборванные им листья и лепестки цветов, превратившиеся в жалкие комки, похожие на размокшую бумагу, забивают водосточные трубы и водосливы; когда под его напором дома складываются, как карточные домики, а стены их, казавшиеся такими прочными и надежными, рвутся в клочья, точно газетные листы.

Нет, самый страшный момент всегда тот, когда тебе начинает казаться, что опасность, *возможно*, уже миновала, и ветер, *возможно*, переменился, и ты, *возможно*, еще раз попытаешься построить нечто такое, что ветру просто не под силу унести прочь. Вот тут-то ветер и проявляет свое истинное коварство. Вот тут-то и приходит беда. В тот самый миг, когда ты уже предвкушаешь счастье. Демон надежды тоже спрятан в шкатулке Пандоры, и он вырывается наружу, когда раздробленные какао-бобы начинают испускать свой дивный аромат, который смешивается с запахами горящего огня, специй, соли, крови, ванили и душевной боли.

Я привыкла считать его совсем простым, это искусство готовить шоколад. Чем-то вроде безвредных индulgенций. Но в итоге все же поняла: *ни одна* индulgенция не бывает безвредной. Франсис Рейно, пожалуй, мог бы мной

гордиться. Сорок лет я была ведьмой и теперь наконец-то превратилась в пуританку.

Зози де л'Альба¹ — вот кто меня бы понял. Да, Зози, коллекционировавшая души и сердца. Ее лицо я до сих пор иногда вижу во сне. Иногда в звуках ветра мне слышатся ее голос и стук каблучков по булыжной мостовой. Порой мне хочется узнать, где она сейчас, вспоминает ли обо мне. Зози знала, что ни одна индульгенция не бывает безвредной. И в итоге лишь власть имеет значение.

Но ветру нет до этого дела. Ветер никого не судит. Ветер просто возьмет, что сможет — что ему требуется, — и делает это совершенно инстинктивно. Знаете, я ведь и сама когда-то была такой. Чем-то вроде семян одуванчика, разносимых ветром, моментально пускающих корни и успевающих даже отцвести и вновь дать семена, прежде чем опять сорваться с места и полететь дальше. Семена никогда не остаются рядом с родительским растением. Они летят туда, куда дует ветер.

Вот и моя Анук, ей сейчас двадцать один, ушла от меня, как в известной сказке ушли из города дети, следовавшие за Крысоловом с его дудкой. А ведь мы с ней всегда были так близки. Всегда были неразлучны. И все же я понимаю: своего ребенка ты как бы берешь взаймы и однажды непременно должна будешь вернуть его миру, где он будет расти, учиться, влюбляться. А ведь когда-то я верила, что Анук сможет остаться здесь, в Ланскне-су-Танн; что Жанно Дру сумеет удержать ее здесь; и не только Жанно, но и, разумеется, наша *chocolaterie*, обещавшая надежность и безопасность. Однако ее судьбу решил Жан-Лу Рембо, оставшийся в Париже. Тот самый Жан-Лу, болезненный мальчик с дыркой в сердце. Неужели Анук сумела залечить эту дыру, заполнить ее собой? Не знаю. Я знаю одно: после ее отъезда в моем сердце осталась такая дырища, которую

¹ Одна из главных героинь романа Дж. Харрис «Леденцовые тувельки». — *Здесь и далее примеч. пер.*

не заполнить всем шоколадом Мексики; и дыра эта имеет форму маленькой девочки с темными, как океан, глазами.

А теперь уже и моя шестнадцатилетняя Розетт слышит голос этого ветра, и я знаю, какой голод испытывает ее душа, дикая, своенравная, изменчивая. Одного порыва этого ветра хватило бы, чтобы ее унести, если бы я не приняла соответствующие меры предосторожности и не привязала ее так же крепко, как привязывают паруса. Но ветер продолжает тревожить наши души, продолжает теревить веревки, которыми мы сами себя связали безопасности ради. Мы по-прежнему слышим его голос, подобный зову сирены. И в нем по-прежнему чувствуются запахи иных мест, иных стран. Он рассказывает нам, какие опасности там таятся, как ярко светит там солнце, какие увлекательные приключения ждут нас и какое счастье. Ветер танцует, и вместе с ним танцуют на грядках солнечные зайчики и резные тени от листьев перца чили. Он пробирается в горло и застревает там, точно неожиданный приступ смеха. А под конец он забирает все; все, ради чего ты трудились в поте лица; все, что ты надеялась взять с собой, убеждая себя, что это неким образом возможно. И поднимается ветер всегда в такой момент, когда вокруг царят веселье, волшебство, радость... даже счастье. Когда сквозь тучи вдруг пробьется неожиданно яркое солнце. Когда ты почувствуешь вкус нежности, услышишь ликующий звон колоколов.

Иногда даже во время снегопада.

СНЕГ

Глава первая

Суббота, 11 марта

Сегодня пошел снег. Прошла всего неделя с начала Великого поста — рановато для чуда. И я сперва решила, что это просто лепестки с цветущих деревьев сыплотся, покрывая тротуары. Но оказалось, что на фоне ясного голубого неба в прозрачном воздухе порхают снежинки и на подоконнике уже лежит небольшой слой снега. Возможно, конечно, это просто Случайность. А вдруг что-то еще?

Ведь в этих краях снега практически не бывает. Тут и холодов-то настоящих не бывает, даже в разгар зимы. Не то что в Париже. Там на замерзшей Сене тонкий черный лед порой даже лопаться начинает с треском, и приходится напяливать зимнее пальто, а потом носить его с Хеллоуина чуть ли не до Пасхи. Здесь, в Ланскне-су-Танн, холода длятся в лучшем случае месяц. В декабре, правда, случаются заморозки. И тогда поля покрывает легкий белый иней. И дует ветер. Холодный северный ветер, от которого всегда слезятся глаза. Но вот почему сегодня-то снег пошел? Это наверняка некий знак. И к рассвету кто-то непременно умрет.

Я знаю одну историю — о девочке, которую мать из снега вылепила. На солнце ей совсем нельзя было появляться, но однажды летним днем она все-таки нарушила запрет и выбежала на улицу, чтобы поиграть с другими детьми. А мать потом долго ее повсюду искала. Но нашла только ее одежду, валявшуюся на земле — БАМ! — в лужице воды.

Мне эту историю Нарсис рассказал, хозяин цветочного магазина. Нарсис стал теперь совсем старым, так что по будням у него в магазине другой человек торгует, но по воскресеньям он по-прежнему сам туда приходит, садится

у двери и следит за тем, что происходит на улице, но никогда ни с кем не разговаривает. Разве что иной раз со мной.

— Мы с тобой оба молчуны, верно, Розетт? — говорит он мне. — Не любим болтать как сороки.

Это правда. Например, когда мама готовит кому-то шоколад или беседует с покупателями, я предпочитаю сидеть, затаившись, у себя в комнате и тихонько играть с пуговицами, которые храню в коробке, или беру альбом и начинаю что-нибудь рисовать. Когда я была маленькой, я вообще не разговаривала. Только пела или кричала — БАМ! — а еще умела издавать всякие звериные и птичьи кличи и кое-что на пальцах показывать. Птиц и животных многие любят. А меня никто особенно не любил, так что с людьми я старалась вообще не разговаривать; даже своим *теневым голосом* почти никогда не пользовалась — когда я этим голосом пользуюсь, я сразу становлюсь кем-то другим. Я этого не люблю и предпочитаю чувствовать себя птицей, летающей высоко-высоко, выше облаков. Или обезьяной, качающейся на ветке, или иногда собакой, лающей на ветер. Но даже когда я представляю себя птицей или собакой, людям это не очень-то нравится; я нравлюсь только маме, Анук, Ру и моему лучшему другу Жану-Филиппу Бонне. Но мама теперь все время работает, Анук уехала в Париж с Жаном-Лу, Ру то приходит, то уходит, но никогда не остается надолго, а Жан-Филипп (вообще-то все зовут его Пилу) каждый день уезжает в Ажен, он там учится в школе, а со мной совсем больше играть не хочет.

Мама говорит, чтобы я не расстраивалась, что Пилу на самом деле не так уж сильно переменялся. Но я-то вижу. Ему уже шестнадцать, и другие мальчишки будут над ним смеяться и дразнить его, если он станет играть с какой-то девчонкой.

По-моему, это несправедливо. И совсем я *не какая-то* девчонка. Иногда я такой же мальчишка, как Пилу. А иногда я обезьянка. Или собака. Или еще кто-нибудь. Но другие люди все воспринимают по-своему. Другим людям важно,

кто с кем играет и кто кем представляется. И в школу я поэтому, разумеется, ходить не могу. В ту школу, что в Ажене, меня принять не захотели. Они сказали маме, что я *не впишусь в коллектив* или не смогу говорить *как полагается*. И потом, ведь есть еще Бам, который уж точно не стал бы вести себя *как полагается*; мне и так все время приходится его одергивать и кричать — БАМ! К тому же со мной иногда происходят всякие Случайности.

Вот поэтому я теперь учусь в основном по книгам и кое-что стараюсь узнать от птиц и животных, а иногда даже и от людей. Такие люди, как Нарсис или Ру, никогда не будут ко мне приставать, если мне не захочется разговаривать, и не испугаются, когда мой голос вдруг станет совсем не похож на голос девочки и в нем послышится что-то дикое и опасное.

Мама часто рассказывала мне историю о девочке, голос которой был украден ведьмой. Ведьма была очень умная и коварная и пользовалась нежным голоском девочки, чтобы обманывать людей и заставлять их поступать так, как было нужно ей самой. Говорить была способна только девочка тень, но приятного в этом было мало. Во-первых, голос тени звучал пугающе, а во-вторых, тень всегда говорила только правду, порой довольно безжалостную. *Ты прямо как та девочка*, говорила мама. *Слишком умна, чтобы тебя всякие дураки понять могли.*

Ну, не знаю уж, насколько я умна, но голос у моей тени *действительно* есть. Хотя я и не слишком часто им пользуюсь. Люди не любят, когда им говорят правду. Даже мама предпочитает не слышать кое-что из того, что говорит моя тень. А потому я предпочитаю по большей части объясняться с помощью жестов или просто помалкивать. А если чувствую, что мой теневой голос так и рвется на свободу, то громко кричу — БАМ! — и смеюсь, и пою, и топаю ногой; в общем, примерно так мы иногда раньше делали, когда хотели прогнать прочь какой-нибудь зловредный ветер.

Когда пошел снег, мама возилась в магазине, готовила к Пасхе разные сладости. Шоколадных кроликов и цыплят, корзинки с шоколадными яйцами. *Mendiants*¹, пралине, «соски Венеры», абрикосовые сердечки, кисленькие апельсиновые дольки. Все это она заворачивала в целлофан и перевязывала разноцветными ленточками или раскладывала по коробкам, мешочкам, пакетикам. Все это раскупят перед Пасхой в качестве подарков. Шоколад я не очень люблю, а вот *горячий* шоколад мне нравится. И еще шоколадные круассаны. Только работать в шоколадной лавке я не хочу. Мама говорит, что у каждого свое умение. Она, например, умеет приготовить из шоколада все что угодно, а еще знает, кому что больше всего нравится. Ру умеет подражать любой птице, а еще он может все на свете починить или построить. А я умею рисовать разных животных. У каждого есть *свое* животное, как бы тень его истинного «я». Вот у меня обезьянка Бам. У мамы дикая кошка. У Ру лисица с пушистым хвостом. У Анук кролик Пантуфль. У Пилу енот. А у Нарсиса старый черный медведь с шаркающей походкой, длинной мордой и маленькими глазками, в которых светится много разных знаний и тайн. Некоторые люди считают Бама ненастоящим. Даже мама называет его «воображаемый дружок Розетт», особенно если разговаривает с такими людьми, как мадам Дру, которая даже цвета ауры видеть не способна. Но мама так говорит, потому что Бам и впрямь иногда бывает несносным. Мне все время приходится за ним следить. А иной раз приходится даже прикрикнуть — БАМ! — иначе он быстренько устроит какую-нибудь очередную Случайность.

Но мама только притворяется, будто не видит Бама. Просто в данный момент она его видеть не хочет. Она вообще считает, что нам бы легче жилось, будь мы такими, как все. Но я точно знаю, что Бама она по-прежнему видит

¹ *Букв.: нищие (фр.)*. Тонкая плитка темного шоколада, украшенная изюмом, миндалем или различными фруктами; раньше это лакомство продавали бродячие торговцы.

прекрасно. И точно так же прекрасно видит, какое лакомство у любого из ее покупателей самое любимое. И какие у кого цвета ауры, тоже сразу видит и распознает по ним, что в данный момент у того или иного человека на душе. Вот только в последнее время она как-то особенно старается эти свои умения скрыть, чтобы казаться такой же, как все другие матери. Может, ей кажется, что если она будет так делать, то и я стану такой же, как другие дети?

Мама даже не заметила, что снег пошел, так была занята с двумя дамами, выбиравшими шоколадных зверюшек. Дамы были в весенних платьях, в туфлях на высоких каблуках и в светлых, пастельных оттенках пальто. Одну из них зовут мадам Монтур. Она не из нашего городка, но я не раз ее здесь видела. Она по воскресеньям в нашу церковь ходит. А вторая — мадам Дру. К нам она не за шоколадом заходит — его она никогда не покупает, — а просто узнать, что в Ланскне творится. Сегодня дамы обсуждали с мамой какого-то мальчика, который, по их мнению, был чересчур толстым и непослушным, то есть не желал делать то, что ему говорили старшие. Не знаю уж, что это за мальчик, но сразу представила двух попугаих или двух наседок в розовых перьях, которые все кудахчут, все суетятся и страшно довольны собой. А еще сразу было видно, что мадам Монтур очень интересуется, почему это я не в школе.

Это уже никого больше в Ланскне не интересует. Как никого не удивляет, что я порой лаю, или кричу, или пою: *Бам-Бам-Бам, Бам, бадда-БАМ!* Но сейчас я заметила, что и мама на меня как-то настороженно посматривает. Я знаю, она за меня очень тревожится. В раннем детстве со мной вечно происходили разные Случайности. Это такие вещи, которые не должны бы происходить, а все-таки происходят. Из-за таких вещей мы и кажемся не такими, как все. А один раз — я тогда еще совсем младенцем была — меня пытались отнять у мамы и унести прочь. А когда мы жили в Париже, и Анук тоже кто-то пытался из дома увести. Вот мама и тревожится. Только зря. Я ведь теперь стала такой осторожной.

Я нарисовала мадам Монтур в виде светло-розового попугая, а мадам Дру — в виде курицы-несушки. Всего несколько штрихов — и на бумаге возникает маленькая розовая головка с приоткрытым от удивления клювом. Рисунки я специально оставила на стойке, чтобы мама сразу их обнаружила, а сама вышла на улицу. Ветер дул с севера, и казалось, что вся земля усыпана лепестками цветов, но, хорошенько присмотревшись, я поняла, что это не лепестки, а крупные снежные хлопья, и они, вращаясь, как кружочки конфетти, сыплются прямо из голубого весеннего неба.

У входа в церковь стоял наш священник и тоже с удивлением смотрел на падающий снег. Священника зовут Франсис Рейно. Сперва, когда мы еще только сюда приехали, он мне очень не нравился, но теперь я его, пожалуй, почти полюбила. Вот только фамилия *Reynaud*, что значит «лисица», ему совсем не подходит; просто глупо, как это люди не понимают, что на самом деле он самая настоящая ворона — весь в черном и со своей вечно печальной, чуть кривоватой улыбкой. И в церкви у него мне очень нравится. Там так приятно пахнет полированным деревом и благовониями; и там красивый цветной витраж и статуя святого Франциска. Рейно рассказывал мне, что святой Франциск — покровитель животных, а потому оставил жизнь среди людей и поселился в лесу. Я бы, например, тоже с удовольствием в лесу поселилась. Построила бы себе домик на дереве, а питалась бы орехами и земляникой. Но к мессе мы с мамой никогда не ходим. Раньше это запросто могло послужить причиной всяких неприятностей. Но теперь сам Рейно сказал, что нам вовсе не обязательно туда ходить, потому что Бог нас и так видит и станет о нас заботиться, где бы мы ни были.

В общем, сейчас из ясного голубого неба всюю валит снег, и это точно означает нечто важное. Может, даже какая-нибудь Случайность произойдет. Я распахнула полы пальто, помахала ими, как крыльями, и крикнула — БАМ! — чтобы Рейно уж точно понял: моей вины в этом внезапном